

Хранитель древности

Выставка памяти Семена Гейченко в Музее А.С.Пушкина

«Когда люди уходят, после них остаются вещи. Вещи безмолвно свидетельствуют о самой древней истине – о том, что они долговечнее людей. Неодушевленные предметы нет. Есть неодушевленные люди», – так предвещал свой рассказ о Михайловском в книге «У Лукоморья» его многолетний хранитель и директор Семен Гейченко. Конечно, он имел в виду Пушкина и все те годы собираемые и разыскиваемые крупницы мемориальных вещей и предметов, что с ним связаны. Теперь эти слова с полным основанием можно отнести и к самому Семену Степановичу, 100-летию юбилею которого посвящена выставка Государственного музея А.С.Пушкина в Москве, проходящая в небольших залах для временных экспозиций, что в Денежном переулке.

Готовили выставку совместно москвичи и сотрудники Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея А.С.Пушкина «Михайловское» и в итоге показали материалы из двух собраний – Пушкинского заповедника и собственной коллекции Гейченко, любовно собираемой в течение долгой жизни. Все эти картины, акварели, фотографии, вещи, что когда-то были подарены или найдены легендарным хранителем, ныне впервые покинули свой старый дом, на дверях которого до сих пор висит знаменитая гейченковская табличка: «Это не музей, а квартира». Хозяин лукавил – уже тогда, при его жизни, это был музей. На крыльце-веранде всегда громоздилась целая коллекция самоваров – как тут было пройти мимо, не заглянуть за заветную дверь. А дело было так: ехал как-то директор на подводе по своим музейным делам, а навстречу грузовик, полный самоваров – везут на металлолом. Ну и повернул Гейченко грузовик своей властью – а была она в заповеднике почти безгранична – к дому. Кроме самоваров, на той же веранде повсюду были развешаны подковы, колокола, колокольцы, народные поделки. Влегла к дому директора, впрочем, не только любопытная утварь, покрывающие стены

многочисленные картины и прекрасная библиотека-пушкиниана. Манил сам миф, легенда, имя человека, которое стало нарицательным для каждого, кто хоть что-то знал о Пушкиногорье. Свои прозвища – Домовой и уважительное Хранитель – Гейченко получил неслучайно. С 1945 года, когда он демобилизовался из армии, и вплоть до своей смерти служил он Пушкину и его земле. Служил мужественно, самоотверженно, очень субъективно, забывая себя в каждодневной, подчас физически нелегкой работе. Не успел он, перенесший брюшную и сыпной тиф, потерпевший на фронте левую руку, приехать по рекомендации Матвея Калаушина, директора Литературного музея Пушкинского Дома, из Тбилиси на разоренную войной Псковскую землю, как работа закипела. Весной 1945 года прибыла комиссия Академии наук. Ходили по руинам. Щусев объяснял, показывал, а Гейченко, молодой, тощий, с горящими глазами, шел рядом и все записывал – каждое слово. Везде были надписи: «Проход закрыт. Заминировано. Разминирование через два-три месяца.» И уже потом десятилетия спустя Гейченко с удовольствием рассказывал, как, войдя в полуразрушенный усадебный дом без крыши, Щусев отмахивался от шедших впереди саперов, говоря «да бросьте», те в ответ молча поднимали доску за доской и на глазах собравшихся обезвреживали противоположные мины.

Затем восстанавливать из руин жалкие останки святогорских усадеб казалась отчаянной и сомнительной практикой всем. Даже Сергей Вавилов, тогдашний президент Академии наук и горячий энтузиаст возрождения пушкинских мест, предлагал оставить эту невысшимую затею с организацией заповедника и перенести прах поэта под Ленинград в Пушкин, устроив там пантеон. Но Гейченко не унимался, он работал упрямо, каторжно и каждодневно, яростно добиваясь своего, год за годом поднимая из небытия строения Пушкиногорья. Его чаяниями возводились Михайловское и Тригорское, мо-

настырская церковь XVI века с колокольней, а затем и старинное Петровское, мельница на берегу Сороти и часовня на Поклонной горке при входе в Михайловское, и экспозиционное ноу-хау – усадьба мельника.

Понятно, что мемориальностью в подлинном смысле слова жертвовали повсеместно. Дома-новоделы, вещи не личные, а лишь той эпохи. И если домик няни, усадьба поэта и Тригорское еще воссозданы вполне исторически точно, то Петровское, а тем более часовня в Еловой аллее и мельница в Бугрово – сплошное сочинительство. Не раз поминали и страсть директора к разного рода «театрализации» и украшательству. К затайливым надписям, к бесконечным цитатам поэта, подстерегающим на каждом углу и не дающим расслабиться, насладиться единственно подлинным в этих местах – живой пушкиногорской природой, ландшафтами и дачами, к камням-валунам, лежащим на перепутьях: «Направо пойдешь – в Михайловское попадешь, прямо пойдешь – в Тригорское придешь» и т.д. Впадал Семен Степанович и в сущие крайности, то пресловутую «золотую цепь» на дубе в Михайловском вывесит, то в книге своей «У Лукоморья» пожертвует кое-чем ради авторского вымысла.

Хранитель, легенда во всей человеческой многогранности, – со слабостями и железной волей, любовью к балагурству и беспрецедентным умением положить всю свою жизнь на алтарь одного дела – и стал скромным героем выставки. Воистину случай редкий. Но сегодня для тех, кто с кровным интересом относится к сохранению и возрождению памятников культуры, жизненный и творческий пример Семена Гейченко приобретает особое значение. Ведь именно при нем музей превратился в тот самый заповедник – обихожный и мифологизированный, раскрученный и паломнический, поповский и научный, «довлатовский» и личный для каждого бывавшего в тех местах, – который ныне известен всем.

Константин ВЕТРОВ
Фото Виктора АХЛОМОВА

